

Тяжелая вещь — юбилей. Сами собой высказывают слова, которые в обычный день произносить стесняешься из-за их затрепанности и банальности. Но все-таки куда не денешься, Ульянов — это эпоха. Он актер немислимой, невозможной популярности. Жене Миронову, например, очень известному сегодня актеру, даже и присниться не может такая популярность. Это просто сумасшествие. Михаил Александрович мне рассказывал, что лет 20 назад он вдруг захотел бегать, тогда это было модно — бегать от инфаркта. И вот, представляете, бежит по улице Ульянов, а к нему каждые пять минут подбегают встревоженные граждане: "Товарищ Ульянов, что-нибудь случилось? Что произошло? Не надо ли помочь?"

Год назад мы были в Сибири на гастролях с "царским" спектаклем ("Последняя ночь последнего царя"), и я свидетельствую — Ульянова узнают все. Новые русские, старики, дети, молодежь. Представляете, молодежь Миронова не узнает, а Ульянова — пожалуйста. Мне кажется, тут все дело в потрясающем феномене лица, в нем есть что-то жангабеновское. Он появляется, и все мгновенно делают стойку. Как-то сразу становится понятно, что перед нами значительный актер. Его лицо интригует, а это немногим артистам дано.

Ульянов может казаться железобетонным, эдаким маршалом Жуковым при параде и в бронзе, но на самом деле он очень теплый человек. Когда о нем вспоминаешь, то такое тепло накатывает, тепло из самого детства.

Мои первые впечатления об Улья-

нове — впечатления юношеские. Тогда я не увлекался ни театром, ни кино, но мимо телевизора, конечно, не проходил. Помню это лицо, задумчиво-суровое; помню песню о комсомольцах-добровольцах. Чем-то меня он страшно притягивал. Потом, конечно, "Председатель" произвел очень сильное впечатление своей истовостью и выкрикнутой правдой. Дело было не только в словах, я, например, в то время вообще ни о какой правде не думал, меня все устраивало, плыл и плыл, не очень во все это вникая, но от Ульянова шла через экран ощутимо опасная энергия, которая задевала зал и незаметно забрасывала какие-то внутренне-дисидентские бактерии.

В нем и сейчас есть эта иступленность, при том, что человек он наивный и совершенно детский. Ульянов замечательно смеется. Он может так залившись, так радостно хохотать над чем-нибудь, что сразу делается понятно: за его мужественно-героическим, маршалским видом нет никакой надутости, нет столь хорошо нам знакомой начальственной, советской пошлости. Ее изначально в нем нет. Что и давало ему возможность, присутствуя на всех высоких партийных собраниях, сохранять человеческое лицо и достоинство.

Интересно, что у Ульянова нет ностальгии по прошлым временам. А ведь он был членом ЦК и у него было множество привилегий. Думаю, что он и тогда жил только театром. Он все равно играл, даже с ними, с правителями, играл роль и играл замечательно. Он хорошо понимал, что выдвинут в силу своего сибирского происхождения, лица и популярности, и старался не снимать этой маски, которая так хорошо его защищала. Но, знаете, и в этой, ставшей привычной игре он нет-нет да и выкрикнет что-нибудь про правду. Я

помню, когда он выступал, в зале всегда возникало оживление даже среди совсем уж заядлых коммунистов. Они как будто чувствовали, что он может что-то такое выкинуть незапланированное, с ним скучно не будет.

Ульянов — замечательный артист, очень большой артист. Это действительно так и совсем никакое не преувеличение. У него колоссальные возможности. Во-первых, дикий темперамент. Год назад мы репетировали с ним пьесу Радзинского и я всякий раз поражался, что этот немолодой уже и не очень здоровый человек, увенчанный всеми регалиями, может так себя не щадить. В нем есть эта взрывчатая непредсказуемость, которую я обожаю в артистах. Другое дело, что его можно было бы раскопать глубже. Наверное,

так всегда кажется, когда имеешь дело с незаурядным человеком. Но не случайно же Эфрос пытался его как-то раздухарить, показать неожиданным, не таким, как все привыкли видеть. С ним самые разные режиссеры хотели работать, очень уж манкая индивидуальность.

Многие актеры идут от себя, играют про себя, но Ульянов полагает, что ему это противопоказано. Он этого очень не любит, ему надо именно сыграть. Сыграть роль, сыграть совсем другого человека. Он любит игру страстно, до самозабвения. Он — лицедей, и этим все сказано.

С готовностью откликается на разнообразные режиссерские предложения. Если его увлекаешь, заражаешь чем-то, отдается весь, без остатка. Очень не любит многозначи-

тельных и длинных речей вокруг пьесы, когда режиссер приносит экспликацию, надевает очки и начинает что-то долго говорить. Есть артисты, которых приходится обволакивать словами, напивать литературой, а Ульянова надо заражать приключениями, чисто театральными манками. Например, сказать, что кровать, на которой лежит его герой, будет ездить по сцене, или положить ему под подушку пистолет — вот такие, абсолютно наивные вещи его возбуждают. Я, конечно, немножко хитрил с ним и далеко не все о будущем спектакле рассказывал. Был смешной момент, когда на генеральной репетиции он вдруг с изумлением обнаружил, что у него над головой крутятся акробаты. Потом-то он понял зачем, рассек замысел и увлекся страшно, но это — потом. Он не

Одиночество лицедея

Валерий ФОКИН

боятся попутаться. А ведь многие известные актеры начали бы в этом случае долго и нудно выяснять, почему во время их текста что-то такое отвлекающее на сцене происходит. Ульянов никогда себе такого не позволял.

С ним очень легко репетировать. В нем совершенно нет такой академической важности, что вот, мол, я народный артист, председатель и тому подобное. Другое дело, что некоторых своих проявлений он как будто немного стесняется. Помню, как много лет назад снимал с ним и Мариной Нееловой фильм по пьесе Л.Зорина "Транзит". Мне тогда очень хотелось добиться от него открытости, незащищенности, а ему казалось, что надо быть посуровее, помужественнее, бровь одну вверх и вперед. Я разные способы придумывал, чтобы сбросить с него эту маску, даже скрытой камерой пользовался и подворовывал кусочки репетиций, когда они с Мариной просто дурачи-

лись. Мне нужен был его ласковый взгляд, хотелось показать его усталым, растерянным, не знающим, как быть с этим странным чувством, на него свалившимся. Ульянов стесняется таких вещей, уверенно он себя чувствует в активных, наступательных проявлениях.

Он любит преувеличения, любит все обострять. Не очень любит, когда надо что-то прожить внутри без всяких внешних приспособлений. Ему не нравится такая психологическая скудность. Тихая заводь, даже если она очень правдивая, это не про него. Но все-таки самые успешные его роли те, где ему удается сочетать внутреннюю наполненность и острую форму. Потому что при всей его вахтанговской яркости, он — правдивый актер, он — не показушник.

Ульянов очень ответственный человек, сегодня это безумная редкость. Десять лет, которые он провёл в СТД, безусловно, оторвали его от профессии, он мог бы многое тогда

сыграть. Но он сознательно пошел на эту галеру, потому что ощущал свою ответственность за дело. Мне кажется, сейчас его не то чтобы подзабыли, его нельзя подзабыть, но как-то слова доброго след не сказали. Я имел возможность наблюдать его в то время — он работал честно и очень хотел что-то сделать. И сделал. В общем-то он сохранил Союз. В то время как многие творческие союзы распались. Он сохранил там жизнь. А сколько людям он помог. Он не гнушался ходить и просить: за того, за другого. Его ведь всегда одевали: сейчас, Михаил Александрович, вы должны одеться и идти показывать лицо. Было видно, как он набивался и тяжело вздыхал — надо, надо, ничего не поделаешь. Он, как владимирский тяжеловоз, если впрягся, то уж будет тащить.

И Вахтанговским театром руководит с тем же чувством ответственности. Его уговорили принять театр свои же товарищи, но сейчас об этом

все забыли и делают вид, что не понимают, зачем ему это надо. Когда театр остался без руля и без ветрил, все знали, что Ульянов — единственный, кто может удержать это предприятие на плаву. И он удержал. Позвал Фоменко. Позвал Виктюка, пусть даже у них не получилось длительного романа. Хороших режиссеров всегда мало, это редкий, штучный товар. Но он искал их и сейчас ищет. Говорят, сегодня театр не в лучшем состоянии? А какой театр у нас в другом состоянии? Я имею в виду театры, в которых ощутимы те же возрастные наросты, театры-колоссы. Одно то, что Фоменко там ставит спектакли — пусть не каждый год, пусть раз в полтора-два года — уже большое дело.

Ульянов пытается сохранить людей, с которыми прожил жизнь, он хочет с ними дожить. Это очень правильно и благородно. Но при этом он хочет, чтобы театр жил и развивался. Как правило, это не удается совмес-

тить. На двух стульях не усидишь, обновление любого театра, как ни печально, все равно начинается с драмы или даже с трагедии. Я это знаю, прошел через это в театре имени Ермоловой. Ульянову очень трудно вести театр, но когда возникают такие спектакли, как "Пиковая дама", нельзя не признать успех художественного руководителя.

Конечно, он несет на себе большой крест. Я написал, что это фигура детская, наивная, но одновременно еще и бесконечно одинокая. Одиночество в нем довольно сильно ощущается. Оно идет от всех этих обязанностей, которыми он загружал себя под завязку. На репетициях актеры всегда раскрываются больше, чем им хотелось бы, и у нас бывали моменты, когда я чувствовал — он несет на себе слишком много, он тащит с трудом, из последних сил.

Может быть, именно сейчас ему надо сбросить с себя эту тяжесть, перестать быть общественным лицом и побольше поиграть. Если бы ему попался такой режиссер, как молодой Питер Брук, например, который сумел бы вытащить наружу все, что накоплено у него внутри, плюс его безупречное чувство формы — он взметнул бы куда-то очень высоко. Питер Брук тут необязателен, конечно, это может быть и Лев Додин. Потому что наступил уже тот рубеж, когда Михаилу Александровичу Ульянову нужно отбросить все театральные прикрытия, которые так надежно его защищали и вели по жизни, и раскрыться таким, каков он есть. Он мог бы грандиозно сыграть "Нахлебника" Тургенева. Так или иначе ему нужно сыграть что-то очень глубокое, про жизнь, про себя — и исповедаться. Мне кажется, надо рискнуть.